

Трояновска Б.
(Быдгощ, Польша)

СИМВОЛИКА ОБРАЗА ЯНА ГУСА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ НА ФОНЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Стаття представляє символіку зображення Яна Гуса в вибраних текстах європейських творців епохи реалізму та модернізму. Метою статті є показ перетворення зображення чеського реформатора на тлі політичного та історичного контекстів, а також особливостей індивідуальних реалізацій вибраних поетів.

Ключові слова: Ян Гус, символіка, трансформація поетичного образу, реалізм, модернізм.

В статье представлена символика образа Яна Гуса в избранных поэтических текстах творцов эпохи реализма и модернизма. Целью статьи является представление трансформации образа чешского реформатора на фоне политико-исторических контекстов, а также специфики индивидуальных художественных приемов творцов.

Ключевые слова: Ян Гус, символика, трансформация поэтического образа, реализм, модернизм.

The article presents symbolic image of John Huss in selected texts of European creators of realism and modernism. The purpose of the article is to demonstrate the transformation of the image of Czech Protestant on the background of political and historical contexts, as well as the specificities of individual realisations of individual poets.

Key words: Jan Hus, symbolism, poetic image transformation, realism, modernism.

Образ Яна Гуса данный как русскими, так и зарубежными творцами, очень интересен и выявляет сложность и неоднозначность восприятия и художественного представления ими чешского реформатора в контексте культурных и политико-общественных воззрений. Целью данной статьи является попытка показать трансформацию образа Гуса в избранном отрывке историко-литературного процесса, а именно эпохи реализма и модернизма при помощи сравнительного анализа. Объектом нашего внимания являются стихотворения русских поэтов: Федора Тютчева *Гус на костре* (1870) и Константина Бальмонта *Слава славянам* (1931), а также два лирических текста других по национальности творцов. Первое из произведений - итальянского поэта Джозуэ Кардуччи *Гимн Сатане* (*Inno a Satana*, 1863), а второе, озаглавлено *Ян Гус. У картины Брожика*, (*Jan Hus. Pod obrazem Brožika*, 1887) написано польской поэтессой Марией Конопницкой. Постараемся показать одновременно и индивидуальный подход вышеуказанных поэтов к представляемой исторической личности Яна Гуса на уровне художественных приемов, религиозных взглядов, народной истории и индивидуальных стимулов, которые повлияли на поэтические рождение ими образа чешского борца-реформатора.

В случае Ф.И. Тютчева, который „обладал удивительным, редким (и тяжким) даром переживать историю в буквальном смысле слова как факт своей личной биогра-

фии”[1:13], факт сожжения на костре Яна Гуса в 1415 году стал толчком к специфическому осмыслению поэтом его образа в истории, особо на фоне идеи единства славян, которая в XVIII и XIX вв. была очень популярной в России [2:11]. Стихотворение *Гус на костре* принадлежит к политическим тютчевским лирическим текстам, в которых, как подчеркивает К. Пигарев, „он выступал пропагандистом славянофильских и даже панславистских идей” [3: 245]. Образ Гуса дан Тютчевым в стихотворении, отсылает нас, во-первых, к временам Реформации:

И на костре, как жертва пред закланьем,
Вам праведник великий предстоит:
Уже обвеян огненным сияньем,
Он молится – и голос не дрожит... [1:269].

Кроме представления Гуса праведником и мученником, жертвой римской Церкви, значит – живым и страдающим лицом, поэт дает и другую его характеристику:

Он духом в небе – братскою ж любовью
Еще он здесь, еще в среде своих,
И светел он, что собственной кровью
Христову кровь он отстоял для них [1:269].

Символизация образа Яна Гуса дана Тютчевым ссылаясь в плане сюжета на трансформацию Гуса как действующего человека, живущего в определенное историческое время в небесного духа наподобие Иисуса Христа, обладающего признаком вечности. Такому представлению чешского народного героя способствуют и художественные приемы поэта. При помощи символики света удастся Тютчеву соединить человеческие и небесно-духовные признаки Гуса. В первой, приведенной нами выше строфе тютчевского стихотворения чешский мученик показан во время сожжения на костре и он «обвеян огненным сияньем». Огонь имеет одновременно и разрушительную и созидательную функции [5:54]. В данном случае процесс деструкции касается земного существования чешского реформатора и означает его смерть. Но амбивалентность символики огня позволяет нам декодировать смерть Гуса также как очищение, переход в вечную жизнь и наконец – символ Духа Бога. Здесь стоит подчеркнуть, что огонь напоминает также последнее, третье крещение – крещение огнем, когда Христос пришел, чтобы крестить огнем Духа Божьего [6:87-88]. Зато во второй, цитируемой нами строфе, читаем, что Гус уже «светел», вполне актуализируется богатая семиотика света как символа внутреннего просвещения, присутствия космической мощи олицетворяющей самую высокую доброту и правду [7:214]. Притом освещенная фигура чешского героя может быть воспринята как символ бессмертья, вечности, рая и мудрости [7:214]. Указанные нами способы визуализации Яна Гуса позволяют открыть стремление Тютчева к универсализации образа чешского борца. Дальше в стихотворении Тютчев призывает чешский народ «единокровный» к духовному братскому единству против «юродствующему» Риму. Этим способом поэт выявляет свое личное отношение к Яну Гусу, но уже как символу борьбы за Божью правду. Справедливо замечает Людмила Лаптева, что Тютчев был убежден, что католицизм чехам был навязан насильственно, извне [4]. Он отстаивал тезис о конфессиональном родстве чехов с русскими, подразумевая православное толкование деятельности Яна Гуса и гуситов [2:54]. Именно такой способ интерпретации образа Яна Гуса поэтом сви-

детельствует о его особом восприятии символа чешского борца в истории славянского вопроса и идеи единства славян в целом.

Такой же особый подход к роли Яна Гуса в истории славянских соотношений первых трех десятилетий XX века характерен и для другого русского поэта эпохи модернизма – К.И. Бальмонта. В 1931 году, побывав в Чехии, он написал книгу *Душа Чехии в слове и деле*. Она представляет собой что-то в роде антологии и одновременно публицистического эссе, посвященного размышлениям русского поэта о чешской истории и выдающихся ее деятелях и творцах, к которым причислялся также Ян Гус. В этой книге помещалось также бальмонотовское стихотворение *Слава славянам*, в котором поэт показал свое личное отношение к братьям-славянам. Бальмонт провозглашал братское славянское единство, считая общим символом этого процесса именно деятельность чешского реформатора. В отрывке стихотворения читаем:

Мой каждый брат; то – вольный властелин,
То – раб в цепях, их рвущий в час набата.
От каждого из всей семьи, - из всей, -
Мне – смелый взгляд и голос многозвонный,
Размах, полет, веселый вихрь степей.
Но в детстве мне сверкнул, сквозь сумрак сонный,
Ян Гус, - огонь души, - всего светлей.
Знак Славии – наш дух – воспламенный [8:52].

Образ Яна Гуса у Бальмонта явится как историческое звено, соединяющее славян в целом. Все художественные приемы, использованные поэтом при характеристике чешского мыслителя не новы, его визуализация в тексте опирается на свет, огонь, особый блеск. У Бальмонта Ян Гус - это «воспламенный» знак Славии. Употребленный поэтом эпитет «воспламенный» означает то же самое, что «воодушевленный, вдохновенный, окрыленный, пафосный»[9:85], но второе значение этого слова образовано от глагола «зажечь, заставить гореть»[9:85] и вписывается в семантику предыдущих определений, в которых Гус явится как «светлее всех огонь души» и «дух воспламенный» наподобие горящего факела правды. Такой прием символизации Гуса приводит к образу огня „как божественной энергии, знака возрождения и власти создания” [7:143]. Кроме всего прочего «огонь души Гуса» освещен особым блеском, светом божественности, внутреннего просвещения, мудрости и правды [7:46]. Итак, чешский миссионер явится как священник, которого эмблемой становится мотив внутреннего света – признак учителя-мастера [10:151]. Данная характеристика Яна Гуса напоминает нам несомненно тютчевский способ символизации образа чешского борца, опять же в политическом контексте. Притом, в случае Бальмонта, стоит отметить особый подход русского модерниста к славянскому вопросу, потому что им ставится акцент на ведущую роль русской нации в процессе становления славянского братства.

Образ Яна Гуса дан русскими творцами не открывает вполне богатой символики этого представления в европейской поэзии рассматриваемого нами времени. Во второй половине XIX, буквально на несколько лет до создания Тютчевым *Гуса на костре*, в 1863 году возникла скандальная поэма итальянского поэта – Джозуэ Кардуччи (1835-1907) под заглавием *Гимн сатане*. В этом лирическом тексте, состоящем из пятидесяти строф, показана поэтом новая модель эпохи, которая пыгается освободиться от религии

и готова лишь поклониться вере в научные истины, в мощь технологии. Поэма *Гимн сатане* выражает страстный взрыв протеста против христианской Церкви и проповедь безграничной свободы человеческой воли к жизни. В отрывке поэмы легко открыть ее антиклерикальный характер:

Песнь моя — во славу
Храбрых да великих,
Чтоб ты правил балом,
Сатана-владыка!
Брось-ка, поп, кадило,
Приглуши молитвы:
Сатана с тобою
Не оставит битвы! [11].

В данной поэме образ Яна Гуса не становится сюжетной доминантой, но выявляется поэтом в ряду других религиозных борцов в роде примера. Кардуччи представляет богатую галерею всякого рода ведьм, алхимиков, великих реформаторов, от Гуса до Саванролы и Мартина Лютера как сатининских героев, одолевающих засилье религии:

Вас же, кто неистов,
Пламень не укусит:
Рок вплетётся в слово
Виклифа и Гуса [11].

Такой образ Яна Гуса в поэме итальянского поэта ставит его в позицию разрушителя религии в целом, помощника сатаны в процессе освобождения человечества от всяких церковных оков. Но не надо забывать, что Кардуччи изобразил Яна Гуса «детисцем сатаны», особо понимал роль сатаны в мире изображенном своей поэмы. Так как сатана в трактатке Кардуччи выступает положительным героем, вольнолюбом, символом движения и двигателем прогресса, которому в этих преобразованиях земного шара помогает, между прочим, чешский реформатор – Ян Гус. Стоит добавить, что Кардуччи это известный итальянский поэт, который в 1906 году получил Нобелевскую премию. Образ Яна Гуса дан им в поэме появляется в одном ряду с другими предшественниками протестантской Реформации как разрушителями старого мира. По нашему мнению, Кардуччи ставит сильный акцент на философские категории добра и зла, указывает на амбивалентность этих понятий, ссылается на художественные приемы и сюжеты близкие эстетике модернизма. В поэме дается новая модель эпохи, суглубо антиклерикальная, провозрающая право человека на независимость собственных суждений и взглядов.

Интересный подход к осмыслению поэтического образа Яна Гуса находим также в малоизвестном стихотворении польской поэтессы Марии Конопницкой (1842-1910), озаглавленном *Ян Гус*. Толчком к написанию этого лирического текста Конопницкой была выставка картин чешского художника Вацлава Брожика (1851-1901) в Национальной галерее „Захента” в Варшаве в 1885 году. Польская поэтесса увидела там самую известную картину Брожика под заглавием *Мастер Ян Гус на Констанцком соборе* (1883). Она произвела на ней сильное впечатление. Под влиянием эстетических переживаний поэтесса создала свой образ Яна Гуса в стихотворении, прибавляя к нему подзаголовок *У картины Вацлава Брожика*, который однозначно указывал на источник лирического текста. Она являлась человеком великолепно одаренным воображением, которым вполне

пользовалась в своей литературной практике. Притом поэтесса живо откликнулась на все несправедливости, а ее три драмы (*Hypatia*, *Vesaliusz*, *Galileusz*) надо считать в целом обвинительным актом направленным против католической Церкви [12]. Но особо публикация стихотворения *Ян Гус* была воспринята публикой как бунт поэтессы против папской власти. Первая часть стихотворения является монологом Яна Гуса перед смертью на костре. Надо вспомнить, что на картине Брожика Гус показан как первостепенный персонаж и хотя скромностью одежды выделяется он среди богато одетых судей, то несомненно внимание зрителя сосредоточивается именно на нем. Стихотворение Конопницкой это своего рода звуковое и графическое пополнение картины Брожика. Чешский праведник знает, что не защитит его Христос, потому что и Он умирал спокойно и в молчании. В результате – его молчание становится формой защиты перед земной властью:

Stoję i milczę. Gdzież moja obrona?
Gdzie głos, co za mną przemówi tu słowo?
Chrystus też milczy ... ach, Chrystus też kona,
A jego wielką i boską wymowę
Jest krzyż i cisza, i głowa skłoniąca
A pierś miłości pełną, a nad głową
Męki i hańby korona ...
Stoję i milczę. Cóż powiem, skazany
Za każde uczucie, myśl każdą i tchnienie? [13: 222]

В приведенном выше отрывке стихотворения Конопницкой заметны в представлении Яна Гуса его сходства с Иисусом Христом. Напомним, что такое же родство мы отметили уже в поэтическом тютчевском образе чешского борца. Оно характерно также для способа представления Яна Гуса Тарасом Шевченко в поэме *Еретик* (1845), особо в монологах лирического героя. В образе польской поэтессы Гус показан также в момент ухода в вечную жизнь:

O ziemio! Ludu! O przyszłych dni świąty!
Do was wyciągam ręce, do was piję
Ostatni puchar! Ciebie jeszcze was kryje,
Lecz stos mój płonie ... O Rzymie! Czyś syty?
Ja duch ... Ja żyję! ... [13:]

Его дух будет жив после смерти и останется среди несчастного народа. Клятва папства для героя не имеет никакого значения, потому что он знает о чистоте своей души и верит в справедливость Божьего суда. Вторая часть стихотворения это комментарий лирического я, которое описывает реакцию людей – как бы зрителей национальной галереи, на живописное представление исторического события с 1415 года. Толпа полна эмпатии к происходящему на картине, но к сожалению, она не в состоянии создать в нынешнее время такого мученика как Гус:

Dziś Europa już nie jest tak dzika ...
Możecie odejść i spać się położyć:
Choćby stos gorzał - skąd wziąć męczennika? [13]

Во второй части стихотворения Конопницка принимает на себя функцию «изытого наблюдателя» [12] современности, она исследует чувства и переживания зрителей осматривающих картину Брожика, чтобы сформулировать собственные суждения касающиеся

ся судьбы будущей Европы, а особо Польши, которая, напомним, при жизни поэтессы не дождалась политической независимости и несомненно нуждалась в авторитетах в роде Яна Гуса. Автор стихотворения подчеркивает культ великих духов прошлого, которые создают особую религию братства народов [14:99]. В результате такого приема у нее появляются обобщения, уход от конкретизации нации и народов. Притом Конопницка описывает исторически католическую Церковь, портретируя инквизицию и сложное прошлое католицизма в целом. Она своим стихотворением, как бы стоя у картины чешского художника, разоблачает этическое несовершенство своего времени [14:102].

Все представленные нами поэтические образы Яна Гуса указывают на факт, что с второй половины XIX века растет интерес к лицу и деятельности Яна Гуса в Европе, возникает много исторических работ посвященных этой теме, а затем и реализаций его поэтических воображений. У славянских творцов сильный акцент ставится на политический контекст символа чешского борца в современные им эпохи, актуализируется символика Гуса как мученика, священника и мотив Гуса-Христа, очень популярный в культуре. В случае поэмы Кардуччи, на первый план выдвигается осмысление Гуса как бунтаря и разрушителя застоя, «сатанского» освободителя, чем он приближается к осмыслению Гуса как своего рода революционера в поэме Шевченки *Еремук*. Но во всех приведенных нами поэтических текстах прием символизации персонажа Яна Гуса приводит к открытию временных и пространственных пределов, обобщениям и универсализации самого образа чешского миссионера как праведника и указателя правильного пути для следующих поколений. Кроме этого, оценка персонажа Гуса и его деятельности дана выше указанными творцами, ведет к их самопределиению своего суглубо личного отношения к папской столице.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев Е. «Как слово наше отзовется...» / Ф.И. Тютчев, Стихотворения. Письма, Москва 1978, [1] с. 13.
2. Качис Л.Ф., Одесский М.П. «Славянская взаимность», модель и топика, REGNUM, серия SELECTA, под ред. Колерова М.А., Москва 2010, с. 11.
3. Пигарев К. Жизнь и творчество Тютчева, АН СССР, Москва 1962, с. 245.
4. Лаптева Л.П. Тютчев и его отношение к западным славянам [Электронный ресурс] <http://slav-almanakh.narodu.ru/2006/Lapteva.htm>.
5. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов, Москва 2001.
6. Feuillet M. Leksykon symboli chrześcijańskich, Poznań 2004.
7. Tresidder J. Słownik symboli, tłum. Stokłosa B., Warszawa 2001.
8. Бальмонт К. Д. Душа Чехии в слове и деле, перевод, статьи и комментарии Дануши Кшищовой, Университет имени Масарика Т. Г., Брно 2001.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка, М., 1984.
10. Królak J. Pomnik na trybunie. Postać Jana Husa w czeskiej powieści historycznej lat pięćdziesiątych / Obraz kapłana, wodza, króla w kulturach słowiańskich, red. Dąbek-Wigrowa T., Makowiecki A.Z., Uniwersytet Warszawski, Warszawa 1998.
11. Отрывки поэмы Кардуччи в переводе на русский язык опубликовано: „Апокриф”, выпуск 30 (сентябрь 2010) [Электронный ресурс] <http://warfax.net/93/11/carducci.html>.